

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Б. Н. ГАЙДИН

Вечные образы как константы культуры

В научном дискурсе понятие «константа» занимает видное место, может быть даже отнесено к центральным. В физике оно особенно значимо, так как целый ряд формулировок физических законов не может обойтись без констант как особых числовых множителей. Вероятно, первая из таких констант, выведенная еще древними учеными, — число π , получаемое в результате деления длины окружности на радиус (3,141 592 653 589 793 238 462 643...).

В дальнейшем ученые ввели достаточно большое, но в то же время обозримое число констант, обычно называемых по имени тех, кто их определил, и обозначаемых буквами греческого алфавита.

Однако константные соотношения существуют и в других видах. Например, теорема Пифагора (квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов) также устанавливает константное соотношение, одну из основ геометрии. Считается, что Леонардо да Винчи вывел другую константу, характерную уже не для мертвой природы, а для человека и его созданий — «золотое сечение» (термин Леонардо), математически выражающееся в виде дроби, возникающей при делении отрезка AC точкой B, $AB/BC=AC/AB$, при-

ближенно равно $5/3$, точнее $8/5$, еще точнее $13/8$ и т. д. Однако уже древние египтяне использовали это константное соотношение, более того, оно было положено в основу древнеегипетского канона, на котором основана архитектура, скульптура, изобразительное искусство, иероглифика¹.

Следует обратить внимание на то, что первоначально математические соотношения, выявленные древними, трактовались в мистико-религиозном духе. Аналогично можно охарактеризовать пифагорейское учение о гармонии. Иоанн Стобей, в чьем изложении известны взгляды Пифагора, писал: «О природе и гармонии следует мыслить так. Сущность вещей, будучи самою их вечною природой, подлежит не человеческому, а божественному ведению. Ибо ясно, что мы не могли бы познавать ничего из того, что есть и познается нами, если бы она [эта природа — гармония] не была внутренне присуща вещам, из которых составлен мир, — предельным и беспредельным. А так как самые начала различны и разнородны, то невозможно, чтобы космический порядок был установлен ими без посредства гармонии, откуда бы она ни явилась. Ибо подобные и однородные элементы не нужда-

лись бы в согласовании; различные же, разнородные по своей природе и направлениям должны быть по необходимости связаны такой гармонией, чтобы войти в космический порядок»².

В Новое время, как принято считать, первым, кто сделал попытку объяснить термин «константа» в значении концепта культуры, при этом не употребляя это слово, был Г. В. Лейбниц. В своих «Новых опытах о человеческом разумении» (1703–1704, опубл. 1765) он подвергает критике известный труд Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690). В предисловии Лейбниц замечает, что его система значительно отличается от локковской системы, которая во многом строится на идеях Аристотеля. Он же в качестве основы для своих доводов использует идеи Платона и тех схоластиков, «которые толкуют соответствующим образом известное место в послании св. Павла к римлянам (II, 15), где он говорит, что закон божий написан в сердцах»³.

Книга построена в виде диалога между Филалетом и Теофилом, которые выражают точки зрения соответственно Локка и самого автора. Лейбниц формулирует идею, которая кардинально расходится с мнением Локка о том, что человеческая душа при рождении человека представляет собой «чистую доску» («*tabula rasa*»), которая затем постепенно заполняется опытным путем. Лейбниц, напротив, доказывает, что душа изначально обладает неким набором понятий и принципов, который нельзя приобрести эмпирически: «Нематериальное существо, или дух, не может быть лишено всякого восприятия своего прошлого существования. У него остаются впечатления от всего, что с ним некогда случилось, и он обладает даже предчувствием всего, что с ним может случиться, но чувствования эти чаще всего слишком слабы, чтобы их можно было отличать и сознавать, хотя когда-нибудь они, может быть, и разовьются»⁴. Философ выстраивает теорию бессознательных малых перцепций, под воздействием которых душа, обладая способностью к анализу, дает чело-

веку возможность при необходимости постоянно уточнять значения тех или иных понятий. Таким образом, Лейбниц категорически не соглашается с Локком и доказывает, что в душе каждого новорожденного *a priori* существуют истины, принципы и понятия, например о ней самой, которые суть рациональны и позволяют духу выстраивать связи между явлениями: «... Если можно сказать о каком-нибудь отдельном предложении, что оно врожденное, то можно будет утверждать на том же основании, что все предложения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе»⁵. Из этого вытекает утверждение Лейбница о полной познаваемости мира, которое кардинально расходится с мнением Локка о том, что миропорядок познаваем лишь частично⁶.

Хотя Лейбниц и не использует само слово «константа», однако вполне очевидно, что его врожденные понятия-принципы, по сути, и являются некими постоянными концептами, которыми человек начинает оперировать с момента рождения.

Термин «константа» в философско-религиозном истолковании культуры использовал французский ученый, представитель неотолизма, один из крупнейших знатоков средневековой западноевропейской философии Этьен Жильсон (Etienne Gilson) в своей книге «Лингвистика и философия. Эссе о философских константах языка»⁷. Однако, как замечает акад. Ю. С. Степанов, идея констант отчетливо ощущается уже в более ранней работе Жильсона «История философии в средние века. От начал патристики до XIV в.» (1922).

Один из наиболее фундаментальных трудов, которые затрагивают проблему культурных констант, принадлежит акад. РАН Ю. С. Степанову. Он дает следующее определение этому понятию: «Константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время»⁸. В свою очередь, под концептом понимается «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток

культуры в сознании человека»⁹. Таким образом, человек получает представление о культуре именно посредством концептов, сам становится ее частью и может оказывать на нее воздействие, привнося в нее какие-либо изменения. К примеру, концепт «коммунизм» — это весь набор ассоциаций, представлений, идей и т. п., которые возникают у носителя данной культуры при использовании слова «коммунизм». Главное отличие концептов от понятий заключается в том, что они «не только мыслятся, они переживаются»¹⁰.

Этот термин используется в математической логике, а теперь постепенно начинает входить в научный обиход не только среди культурологов, но и ученых из других сфер гуманитарного знания.

Также под «константой» Ю. С. Степанов понимает «некий постоянный принцип культуры». Например, таковым является принцип создания алфавитов¹¹. Очевидно, что то, каким образом построен алфавит языка, на котором говорит данный этнос, во многом определяет его культуру и менталитет.

Согласно Ю. С. Степанову, можно выделить «априорные (доопытные)» и «апостериорные (опытные, эмпирические)» концепты. Первые представляют собой «неотъемлемую принадлежность ума»¹², т. е. присущи человеческому мозгу изначально от природы. К примеру, большинство людей с самого рождения, если согласиться с доводами И. Канта и Г. В. Лейбница, осознают разницу между «множественностью» и «единичностью», им в той или иной степени ясен концепт «число».

Таким образом, Степанов предлагает следующее определение культуры: «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего в “эволюционных семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т. д.)»¹³.

Из разнообразных определений понятия «культура» очевидно, что для культуры является очень важным наличие традиции. Здесь можно привести высказывание Н. А. Бердяе-

ва о том, что «благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее»¹⁴.

В 2002 году к 70-летию Российского института культурологии вышел очередной, одиннадцатый, Ежегодник «Постижение культуры», который был полностью посвящен рассмотрению инновационного проекта словаря «Константы и концепты культурологии». В рамках научного семинара «Философские основания культурологии» стало очевидно, что для того, чтобы окончательно утвердить за культурологией роль особой метанауки, необходимо попытаться описать и построить парадигму взаимодействия между герменевтически-гуманистическим и конструктивно-антропологическим подходами. Таким образом, встает задача разрешить теоретические вопросы таких терминов, как «инвариант», «концепт», «константа»¹⁵. Было предложено рабочее определение, согласно которому «константами в культурах являются некоторые параметры, определяющие возможность наличия человека как существа, стремящегося к истине, обладающего знанием добра и чувством красоты»¹⁶. Если взять за основу позицию основателя немецкого экзистенциализма М. Хайдеггера о том, что существование есть познание человеком мира, следует также отметить, что «константы могут применяться, лишь разуниверсализируясь через их концептуализацию (в этом смысле субъективацию)»¹⁷. Это, в свою очередь, говорит том, что константы суть продукты разнообразных способов реализации культурных инвариант (т. е. необходимых условий для существования возможности целенаправленного для индивидуума¹⁸. Далее следует принципиальный для нашего исследования тезис о том, что в каждой культуре будут свои уникальные представления о вышеуказанной триаде «истина-добро-красота». Таким образом, концепты (а следовательно, и константы) могут иметь суще-

ственные, подчас диаметрально противоположные признаки в разных культурных мирах и находиться как в ядре тезауруса носителя конкретной культуры, так и на его периферии.

Таким образом, создание подобного словаря несомненно является важной вехой в развитии культурологии в целом и разработке теории культурных констант в частности.

Очевидно, что большая часть (если не вся!) культурных констант отражена в искусстве как наиболее полном сосредоточии «тезаурусных механизмов стабилизации социодинамики культуры»¹⁹. Первостепенно значение в нем играет литература, поскольку она имеет словесно-письменную форму и дает человеку возможность открыть для себя что-то новое, причем то, что он чаще всего никогда не увидит собственными глазами в реальной жизни. Ни один другой вид искусства не способен в этом соревноваться с литературой.

Вл. А. Луков выделяет четыре качества литературы, которые и придают ей это особое положение среди остальных видов искусства:

1) уже упоминавшаяся выше *словесно-письменная форма* (литература дает возможность соединения системно-логической и художественной форм постижения всего многообразия мира);

2) *эффект виртуальности* (читатель способен ментально вообразить то, что может хорошо конкурировать как с реальным, так и ирреальным (сон) мирами по своему содержанию);

3) *эффект ментальности* (возможность фиксирования и передачи результатов мозговой деятельности, которые будут определены тезаурусом субъекта);

4) *эффект переводимости* (возможность частично или полностью сохранять содержание при трансляции в устной форме, переводе в код другого языка, постановке в театре, балете, опере, экранизации и т. п., а также в том или ином объеме передавать в словесной форме содержание других видов искусства)²⁰.

В литературе константами-инвариантами являются вечные образы, под которыми понимаются художественные образы, претерпевшие процесс трансформации из социальной категории в психологическую²¹ и составляющие своеобразный «инвариантный арсенал художественного дискурса»²² писателей и поэтов.

Очевидно, что качество «вечности» означает, что данный образ способен переходить из культуры первоисточника в другие, преодолевая временные рамки, благодаря своему свойству постоянного вхождения в тезаурусы новых художников. Причем в определенные этапы развития национальных культур он может для данной культуры иметь большее значение, чем в культуре-источнике. Значимость вечно-го образа может варьироваться и изменяться с течением времени, однако наличие качества высокой духовно-эстетической и художественной ценности гарантирует, что образ не исчезнет из культуры, по крайней мере, пока она сама не прекратит свое существование. Писатели и поэты вновь и вновь используют конкретный вечный образ, поскольку он обладает уникальной емкостью и практически неисчерпаемым запасом смыслов, а высокая степень поливалентности дает возможность достаточно «легко» включать его в любую систему образов и позволяет довольно гибко включать их в сюжетную линию²³.

Можно выделить образы-символы (например, терновый венок, крест, чаша святого Грааля и т. п.), образы времени и пространства (Всемирный потоп, Атлантида, Апокалипсис, Третий рейх и т. д.) и наиболее распространенные образы-персонажи (Адам и Ева, царь Давид, Иисус Христос, Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан и др.)²⁴.

В целом константа культуры может быть определена как элемент или феномен опоры культурного тезауруса (знак, понятие, концепт, образ, символ), имеющий качественную характеристику, легко приспособляемую к широкому спектру исторических ситуаций, и поэтому выступающий как остров стабильности в бурном море социокультурной динамики.

Нам представляется, что теория культурных констант может быть разработана на основе теории вечных образов (как ее частного случая), которую, однако, также еще только предстоит попытаться систематизировать.

¹ См. : Померанцева Н. А. Эстетические основы искусства Древнего Египта. М. : Искусство, 1985. С. 113.

² История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. 1. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. С. 80–81.

³ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1983. С. 48.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ См. Грицанов А. А. Новые опыты о человеческом разумении // История философии: Энциклопедия. Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. С. 716–718.

⁷ Gilson E. Linguistique et philosophie. Essai sur les constantes philosophiques du langage. P. : Librairie philosophique J. Vrin, 1969.

⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2004. С. 84.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. : Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука, 1993.

¹² Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 84.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 558.

¹⁵ См. : Постигание культуры: Ежегодник. Вып. 11 / М-во культуры РФ. Рос. Ин-т культурологии; Редкол. : О. К. Румянцев (отв. ред.) и др. М., 2002. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Луков Вл. А. Культура и социум: Философские вопросы культурной социодинамики. М., 2008. С. 17.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Нусинов И. Вековые образы // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 2. М. : Изд-во Ком. Акад., 1929. Стб. 128–137.

²² Луков Вл. А. Гамлет: вечный образ и его хронотоп // Человек. 2007. №7. С. 44.

²³ См. : Луков Вл. А. Культура и социум: Философские вопросы культурной социодинамики. М., 2008. С. 28.

²⁴ См. : Там же.